

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ,

повествующая о том, как Великий Мудрец отправился к Южному морю, и как бодисатва Гуаньинь явила милосердие и усмирила волшебника

И вот шесть доблестных полководцев, покинув пещеру, отправились прямо на юго-запад. Следуя за ними, Сунь У-кун раздумывал:

«Они хотят пригласить царя, чтобы он отведал мяса нашего учителя. А этот царь не кто иной, как Ню Мо-ван — князь демонов. Когда-то мы были с ним друзьями. Но теперь я встал на путь Истины, а он так и остался злым духом. С тех пор как мы расстались, прошло много времени, но я отлично помню его. Вот что я сейчас сделаю. Приму его образ и обману их. Посмотрим, что из этого выйдет».

Наш чудесный Сунь У-кун ускорил свой полет и, обогнав духов примерно ли на десять, встряхнулся и принял вид князя демонов Ню Мо-вана. После этого он выдернул у себя несколько волосков и, дунув на них, крикнул:

— Изменитесь!

В тот же миг волоски превратились в слуг. А Сунь У-кун, сделав вид, что выехал на охоту в горное ущелье с соколами и собаками, с луками и арбалетами, стал дожидаться шести доблестных полководцев. Стремительно мчась вперед, духи вдруг увидели перед собой Ню Мо-вана, окруженного свитой. Увидев его, духи Бушующий, как пламя, и Раздувающий пламя поспешно опустились на колени:

— Отец наш, великий государь, вы здесь!

У духов по имени Туман среди туч, Тучи среди тумана, Быстрый, как молния, и Стремительный, как вихрь, глаза были такие же, как у простых смертных, и они, конечно, не могли распознать в царе Сунь У-куна. Поэтому они тоже повалились на колени и отбивали поклоны, приговаривая:

— Отец наш! Мы посланы к вам нашим господином Великим князем — священным ребенком из пещеры Огненных облаков; он приглашает вас, великий государь, отведать мяса Танского монаха, после чего вы станете бессмертным.

— Встаньте, детки, — сказал Сунь У-кун. — Пойдем сейчас ко мне, я только переоденусь, и мы тут же отправимся.

— Не затрудняйте себя, великий государь, — сказали, земно кланяясь, духи-посланцы. — Вам незачем возвращаться. Путь далек, и государь наш может рассердиться. Давайте уж лучше отправимся прямо отсюда.

— А хитрые вы, ребята, — рассмеялся Сунь У-кун. — Ну, ладно. Отправляйтесь вперед, показывайте дорогу. Я пойду вместе с вами.

Обрадованные духи с шумом ринулись вперед, а Великий Мудрец последовал за ними. Вскоре они приблизились к пещере. Стремительный, как вихрь, и Быстрый, как молния, вбежали к своему господину и доложили о том, что прибыл отец, великий государь.

— Ну, вы — люди надежные, — с удовлетворением сказал волшебник. — Так быстро выполнили мое поручение!

Волшебник тотчас же приказал своим командирам выстроить отряды и с развернутыми знаменами, под барабанный бой, выйти встречать царя. Все обитатели пещеры стройными рядами вышли навстречу гостю. Сунь У-кун принял величественный вид, выпятил грудь и, встряхнувшись, вернул на место выдернутые волосы, которые до этого были превращены в соколов и собак. Широкими шагами он проследовал в пещеру и уселся в центре, лицом к югу. Волшебник опустился на колени и, совершив земной поклон, молвил:

— Царь-отец! Прими поклоны своего недостойного сына.

— К чему церемонии, сын мой! — сказал в ответ Сунь У-кун.

Отвесив четыре поклона, волшебник встал около возвышения, на котором восседал Сунь У-кун.

— Зачем ты звал меня, сын мой? — спросил Сунь У-кун.

— Вашему недостойному сыну, — отвечал с поклоном волшебник, — вчера удалось поймать Танского монаха, который идет из Китая. Мне не раз приходилось слышать о том, что он — человек высокой добродетели и тот, кто отведаст его мяса, станет таким же бессмертным, как обитатели островов Пэнлай и Инчжоу. Один я не осмелился съесть его, и решил пригласить вас, отец.

— Про какого это Танского монаха ты речь ведешь, сын мой? — притворившись испуганным, спросил Сунь У-кун.

— А про того, который идет на Запад за священными книгами, — отвечал волшебник.

— Это учитель Сунь У-куна?

— Совершенно верно, — подтвердил волшебник.

— Лучше не серди его! — услышав это, замахал руками и затряс головой Сунь У-кун. — Да ты, конечно, еще не встречался с ним, сын мой! Эта обезьяна обладает огромной волшебной силой

и знает тайну многих превращений. Когда-то она учинила буйство в небесных чертогах. Нефритовый император послал против нее стотысячное войско, расставил сети и силки на небе и земле и то не сумел покорить ее. Как же ты осмелишься после этого съесть Танского монаха, ее наставника? Лучше освободи этого монаха. Если только Сунь У-кун узнает, что ты съел его учителя, он даже драться с тобой не станет, а возьмет свой посох с золотыми обручами, проткнет твою гору и преспокойно унесет вас всех отсюда вместе с горой. Где же ты найдешь себе пристанище, сын мой, а я — опору на старости лет?

— Что ты говоришь, государь-отец? — изумился волшебник. — Превознося доблесть и отвагу моего противника, ты принижаешь достоинства своего собственного сына. У Танского монаха, кроме Сунь У-куна, есть еще два ученика. И вот, когда они вместе с учителем пришли к нам в горы, я применил один из волшебных способов и похитил их учителя. После этого Сунь У-кун и Чжу Ба-цзе разыскали мою пещеру и стали говорить о каких-то родственных отношениях. Я не выдержал и вступил с ними в бой. Однако ничем особенным они себя не проявили. Когда же на помощь Сунь У-куну пришел Чжу Ба-цзе, я напустил на них вечный огонь Самади и заставил бежать с поля боя. Сунь У-кун был до смерти напуган и обратился даже за помощью к царям — драконам четырех морей. Те вызвали ливень, однако оказались не в силах загасить огонь Самади. Сунь У-кун так обжегся, что даже потерял сознание и, как только пришел в себя, тотчас же отправил Чжу Ба-цзе на Южное море к бодисатве Гуаньинь. Тогда я принял вид бодисатвы и заманил Чжу Ба-цзе к себе. Сейчас он сидит в Кожаном мешке исполнения желаний. Я и его собираюсь сварить и отдать своим подчиненным на закуску. Сунь У-кун сегодня снова приходил к моей пещере и шумел здесь; я приказал поймать его, но он до того растерялся, что бежал и даже утерял свой узел. Сейчас я пригласил вас, отец-государь, взглянуть на Танского монаха, а затем изжарить и съесть его. Отведав его мяса, мы обречем бессмертие.

— Мудрый сын мой, — отвечал на это Сунь У-кун. — Ты только и обладаешь, что огнем Самади, который помог тебе одержать верх над Сунь У-куном. А знаешь ли ты, что он обладает тайной семидесяти двух превращений?

— Пусть он превращается во что угодно, я все равно распознаю его, — сказал волшебник. — Да он даже не осмелится войти в мою пещеру.

— Сын мой, — произнес тогда Сунь У-кун. — Возможно, ты и узнаешь его. Но помни, что он может превратиться в какое-нибудь крошечное существо; конечно, не в волка или большую собаку, так как знает, что в таком случае ему не пробраться в твою пещеру.

— Все равно, — сказал волшебник, — у меня каждый вход в пещеру охраняют несколько стражников, как же он может проникнуть сюда?

— Ты и не подозреваешь, что он может стать мухой, комаром, блохой, пчелой, бабочкой или цикадой. Он даже может принять мой вид. Как же ты распознаешь его?

— Не беспокойся! — отвечал волшебник. — Будь у него даже железная печень и медное сердце, он и тогда не осмелится показаться здесь.

— Ну, раз ты так говоришь, — сказал Сунь У-кун, — значит, действительно обладаешь огромной силой и Сунь У-куну, конечно, не справиться с тобой. Однако есть мясо Танского монаха я не буду.

— Почему же? — удивился волшебник.

— Стар уж стал, — отвечал Сунь У-кун. — Кроме того, твоя мать уговаривала меня заняться добрыми делами. Вот я и решил дать обет поститься.

— Это что же, на всю жизнь или на один месяц? — спросил волшебник.

— Нет, — отвечал Сунь У-кун. — Я дал обет поститься в определенные дни месяца.

— Это в какие же дни? — спросил волшебник.

— Дни, в обозначение которых входит иероглиф син и шестое число каждого месяца, — сказал Сунь У-кун. — Сегодня как раз день под знаками син и ю *, так что я должен соблюдать пост и, кроме того, не могу принимать гостей. Подождем до завтра, я сам вымою, вычищу и приготовлю его, тогда уж мы с тобой попируем.

«Мой отец всю жизнь питался человеческим мясом, — раздумывал волшебник, выслушав Сунь У-куна, — и прожил вот уже больше тысячи лет, с чего же это он вдруг начал поститься?.. К тому же в свое время он совершил столько злодеяний, что несколькими днями поста их не загладишь. Что-то тут неладно!»

С этими мыслями он вышел из вторых ворот и подозвал к себе шестерых доблестных полководцев.

— Вы где встретили царя? — спросил он их.

— На полпути, — отвечали те.

— А я думаю: почему вы так быстро вернулись, — сказал волшебник. — Значит, дома у него вы не были?

— Не были, — отвечали духи.

— Плохи дела, — сказал волшебник. — Мы попались на удочку. Это не царь.

— Великий государь! — повалившись ему в ноги, воскликнули духи. — Что же вы своего отца не могли узнать?

— Да с виду он точно такой же, — отвечал волшебник, — а по разговору не похож. Вот поэтому я и думаю, что мы поддались обману. Смотрите, будьте начеку. Пусть каждый держит наготове свое оружие: мечи, пики, дубинки и веревки. Сейчас я еще немного поговорю с ним и послушаю, как он будет отвечать. Если это действительно мой отец, ему должно быть все равно, когда съест Танского монаха, сегодня, завтра или через месяц. Если же он будет вести себя подозрительно, я подам вам сигнал: тогда все вместе принимайтесь за дело!

Духи поспешили исполнить приказ, а волшебник вернулся в пещеру и, подойдя к Сунь У-куну, склонился перед ним.

— Сын мой, — сказал Сунь У-кун. — К чему все эти церемонии? Если хочешь что-нибудь сказать мне, говори.

— Твой недостойный сын, — начал, распростершись ниц, волшебник, — пригласил тебя отведать мяса Танского монаха, а заодно спросить кое о чем. Позавчера я был свободен и, совершая прогулку на благовещем луче, попал на девятое небо. Там я неожиданно встретил великого патриарха учителя Чжан Дао-лина.

— Небесного наставника — Чжан Дао-лина? — перебил его Сунь У-кун.

— Совершенно верно, — подтвердил волшебник.

— Ну, и что он говорил? — спросил Сунь У-кун.

— Когда он увидел, — продолжал волшебник, — как пропорционально я сложен, он спросил час, день, месяц и год моего рождения. А я забыл. Наставник, будучи искусным гадалщиком, хотел погадать для меня по пяти планетам. Вот я и решил спросить вас об этом. Может быть, я еще когда-нибудь его встречу и попрошу погадать.

«Вот дьявол! — подумал, улыбаясь про себя, сидевший на возвышении Сунь У-кун. — За то время, что я сопровождаю Танского монаха, я усмирил нескольких злых духов, но ни один из них не был таким коварным, как этот. Если бы он завел речь о каких-нибудь семейных дразгках и мелких затруднениях, я бы нашел, что ответить. А то ведь спрашивает меня о времени своего рождения. Откуда я могу это знать?»

Однако Царь обезьян был удивительно находчив. Сохраняя свой величественный вид и ничем не выдав беспокойства, он с очаровательной улыбкой произнес:

— Встань, сын мой. Стар я стал, да и неприятностей у меня за последнее время немало, так что я время твоего рождения сейчас забыл. Обожди, вот завтра вернусь домой и спрошу у матери.

— Как же мог ты забыть, государь-отец, если ты сам говорил, что мое имя не сходит с твоих уст и еще говорил, что я буду вечен как небо! — воскликнул волшебник. — Это черт знает что! Тут

какой-то обман!

И он громко хмыкнул. В тот же момент толпа духов с мечами и пиками в руках ринулась на Сунь У-куна и стала избивать его.

Тут Великий Мудрец выхватил свой посох и, отбиваясь, принял свой обычный вид.

— Мудрый сын мой! — сказал он, обращаясь к волшебнику. — Ты нарушаешь все законы! Где это видано, чтобы сын избивал отца?

Волшебник сконфуженно молчал. А Сунь У-кун, превратившись в золотой луч, вылетел из пещеры.

— Великий государь! — крикнули духи. — Сунь У-кун сбежал!

— Ладно! — отвечал волшебник. — Оставьте его! Провел он меня все же на сей раз! Закройте ворота и принимайтесь за Танского монаха. Вымойте его и почистите. А потом мы его сварим и съедем.

Между тем Сунь У-кун, выхватив свой посох, с громким хохотом перебежал на противоположный берег потока. Услышав его хохот, Ша-сэн поспешно вышел из леса.

— Дорогой брат, — сказал он, увидев Сунь У-куна, — что же ты так долго не возвращался? И чему радуешься? Тебе, вероятно, удалось освободить учителя?

— Нет, освободить мне его не удалось, — отвечал Сунь У-кун, — зато я кое-что узнал.

— Что же ты узнал? — спросил Ша-сэн.

— Оказывается, этот волшебник принял вид бодисатвы Гуаньинь и обманом заманил к себе в пещеру Чжу Ба-цзе, — сказал Сунь У-кун. — Потом он засадил его в кожаный мешок и подвесил к балке. Я чуть было не освободил его, но в этот момент волшебник отправил посланцев к своему отцу, чтобы пригласить его отведать мяса Танского монаха. А я догадался, что его отец не кто иной, как князь демонов Нью Мо-ван и, опередив посланцев, принял его вид и стал поджидать их. Под этим видом я и проник в пещеру волшебника. Когда мы прибыли туда, волшебник, приняв меня за отца, совершил передо мной полагающиеся поклоны. Эти почести доставили мне, конечно, большое удовольствие.

— Очень уж ты легкомыслен, дорогой брат, — выслушав его, сказал Ша-сэн. — А я вот боюсь, что жизни нашего учителя угрожает опасность.

— Ничего, не беспокойся, — успокаивал его Сунь У-кун. — Я сейчас обращусь за помощью к

бодисатве.

— А как поясница, болит?—спросил Ша-сэн.

— Да нет, все прошло, — отвечал Сунь У-кун. — Недаром еще в старину говорили: «Когда приходит удача, человек радуется». Присматривай здесь за вещами и конем, а я отправлюсь в путь.

— Ты пока забудь о вражде, — сказал Ша-сэн. — Смотри, как бы этот волшебник не причинил нашему учителю какого-нибудь вреда. Возвращайся поскорее.

— Я быстро, — сказал Сунь У-кун. — Не пройдет время, необходимое для того, чтобы поесть, как я вернусь обратно.

С этими словами наш прекрасный Мудрец покинул Ша-сэна, совершил прыжок в облака и устремился к Южному морю. Не прошло и часа, как Сунь У-кун увидел перед собой гору Путошань * — обитель бодисатвы. Он опустился на облаке вниз и очутился на утесе Ло-цзя. Здесь он важно и чинно направился вперед и увидел духов двадцати четырех направлений, вышедших ему навстречу.

— Куда путь держите, Великий Мудрец? — спросили они, приветствуя его.

— Я хочу повидаться с бодисатвой, — сказал Сунь У-кун, отвечая на приветствие.

— Обождите немного, мы доложим о вас, — сказали духи. Один из них, дух Гуйцзыму, подошел к пещере Шум прилива.

— Милостивая бодисатва, — сказал он, — разрешите доложить вам, что сюда явился Сунь У-кун и хочет повидать вас. Бодисатва приказала ввести Сунь У-куна. Сунь У-кун оправил на себе одежду, решительно вошел в обитель бодисатвы и сразу же пал ниц.

— Сунь У-кун, — молвила бодисатва, — ты почему не сопровождаешь перевоплощенного Цзиньчан-цзы в его поездке на Запад за священными книгами? Что привело тебя сюда?

— Разрешите доложить, милостивая бодисатва. Я следовал за Танским монахом, и вот мы пришли в одно место, которое называется пещерой Огненных облаков у горного потока Сухой сосны. Там живет дух по имени Великий князь, которого зовут также священный ребенок. Вот он и похитил нашего учителя. Мы с Чжу Ба-цзе вступили с ним в бой. Однако он напустил на нас огонь Самади: мы оказались бессильны перед ним и не смогли спасти нашего учителя. Тогда я отправился к Восточному морю и обратился за помощью к царям — драконам четырех морей. Они послали ливень, но и он не мог загасить огня Самади. Я же чуть было не погиб.

— Раз этот волшебник владеет огнем Самади, значит, он обладает огромной чудодейственной

силой, — выслушав Сунь У-куна, сказала бодисатва. — Почему же ты решил просить помощи у царей-драконов, а не обратился прямо ко мне?

— Да я как раз хотел это сделать, — отвечал Сунь У-кун, — но от дыма я чуть было не задохнулся и послал к вам вместо себя Чжу Ба-цзе.

— Чжу Ба-цзе здесь не было, — сказала бодисатва.

— Я знаю, — подтвердил Сунь У-кун. — Он не успел добраться до вашей обители. Волшебник принял ваш образ и заманил Чжу Ба-цзе к себе в пещеру, где упрятал его в кожаный мешок и подвесил к балке. Он хочет сварить его и съесть.

— Да как же эта мерзкая тварь осмелилась принять мой образ? — гневно воскликнула бодисатва.

От негодования она даже застонала и с шумом швырнула в море вазу для омовения рук, украшенную жемчугов которую держала в руках. Гнев бодисатвы привел Сунь У-куна в трепет, и он даже вытянулся у трона бодисатвы.

«Видно, я чем-то разгневал бодисатву, — подумав Сунь У-кун. — Она даже швырнула свою вазу. Как жаль! Лучше бы она подарила ее мне. Это было бы чудесным подарком для меня».

Однако не успел он так подумать, как море забурлило и волны выбросили вазу на поверхность. Оказалось, что ее несло на своей спине чудовище.

Она из грязи вышла: вот — начало!

Но в ней века величье обитало.

Она живет, сокрытая глубоко,

И жизнь ее проходит одиноко;

Она — на дне и украшает воду,

Но знает неба и земли природу;

Сидит спокойно, все в себе скрывает,

Но злых и добрых духов тайны знает.

Хотя и хвост и голову укрыла,

Но побежит — и, кажется, что взмыла

Вэнь-ван писал на ней свои триграммы,

Придворные ее встречали дамы,
В гаданьях с Цзы Юанем говорила,
И во дворцах с Фу-си она дружила,
Когда дракон, меняя очертанья,
Играл на небе, весь — очарованье,
В воде резвился и, соблазна полный,
То порождал, то колебал он волны.
На ней — с насечкой золотою латы,
Она в кольчуге пестрой и богатой,
И панцирь девяти дворцов надела,
Триграмм восьмерка украшает тело.
В своей одежде празднично-зеленой
Она была любимицей дракона,
Снискавшею его благоволение.
Она была смела и до рожденья,
А после смерти — вместо пьедестала
Она под памятником Будде встала
Вы верно знать хотите титул полный
Чудовища, вздымающего волны? —
Рождающая ветер — черепаха.

Черепаха, неся вазу на спине, выбралась на берег и, остановившись перед бодисатвой, совершила двадцать четыре кивка, которые должны были обозначать двадцать четыре глубоких земных поклона.

— Видимо, это и есть хранитель вазы, — глядя на черепаху, сказал, усмехаясь про себя, Сунь У-кун. — Я думал, что ваза пропала, а оказывается это бодисатва вызывала черепаху.

— О чем это ты говоришь, Сунь У-кун? — спросила бодисатва.

— Да ничего, просто так, — отвечал Сунь У-кун.

— Подай мне вазу, — приказала бодисатва.

Сунь У-кун хотел выполнить приказ, но, увы! Он походил в этот момент на стрекозу, которая захотела бы сдвинуть с места мраморную колонну.

— Бодисатва, — молвил в смущении Сунь У-кун, подходя к возвышению, на котором она сидела, — я не могу выполнить ваш приказ.

— Жалкая ты обезьяна! — отвечала бодисатва. — Ты только и можешь что дерзить. Как мог ты надеяться одержать верх над волшебником, если даже вазу не в силах сдвинуть с места.

— Скажу вам откровенно, милостивая бодисатва, — отвечал ей Сунь У-кун, — в обычное время я мог бы это сделать без особого труда, но сегодня у меня нет сил. Потерпев поражение в схватке с волшебником, я ослаб.

— Должна тебе сказать, — заметила бодисатва, — что в обычное время эта ваза бывает пустой. Но сейчас я бросила ее в море, и она в один момент прошла через все реки и озера, моря и каналы, через все ручьи и потоки и вобрала в себя целое море воды. А разве можешь ты поднять море?

— Так вот оно что, — сказал Сунь У-кун, почтительно сложив руки, — этого я не знал.

Тогда бодисатва подошла к вазе, легонько подняла ее правой рукой и поставила на ладонь левой руки. В тот же момент черепаха покачала головой и исчезла в воде.

— Так это чудовище, оказывается, хранитель вазы, — удивился Сунь У-кун.

— Послушай, что я скажу тебе, Сунь У-кун, — обратилась к нему бодисатва. — Эта ваза наполнена чудесной росой и волшебной водой. У драконов, к которым ты обращался, ничего подобного нет. Эта вода обладает волшебной силой и может погасить огонь Самади. Вот я и хотела, чтобы ты взял эту вазу с собой, а ты, оказывается, не можешь даже сдвинуть ее с места. Я могла бы дать тебе в помощь ученицу Будды Шань-цай — девицу-дракона. Но я знаю, что человек ты ненадежный и всегда действуешь обманом. Как только ты увидишь красоту этой девицы, да еще в руках у нее такой драгоценный талисман, ты непременно выкинешь какую-нибудь штуку, чтобы завладеть ими, а разыскивать тебя мне некогда. Так вот, чтобы мне не пришлось беспокоиться, оставь что-нибудь в залог.

— Очень жаль, милостивая бодисатва, что вы так плохо думаете обо мне, — сказал Сунь У-кун. — Приняв монашеский обет, я никогда больше не осмеливался заниматься подобными делами. Но раз вы хотите, чтобы я оставил вам какой-нибудь залог, я повинуюсь. Однако, что я могу оставить вам? Холщовый халат — ваш подарок. Этот плащ из шкуры тигра ничего не стоит. Посох мне нужен, чтобы защищаться. Единственная ценность — это обруч у меня на голове. Он сделан из золота. Но благодаря вам он навсегда прирос к моей голове. Я охотно оставил бы его в залог. Ведь стоит вам только произнести заклинание, и он спадет с моей головы. Больше мне

нечего оставить.

— А ты хитер, оказывается, — сказала бодисатва. — Не надо мне ни твоего халата, ни посоха, ни обруча. Выдерни на затылке волосок, спасающий жизнь, и оставь его.

— Но ведь волосок тоже пожалован мне вами, — возразил Сунь У-кун. — Боюсь, что, выдернув один волосок, я испорчу все остальные и после этого не смогу сохранить свою жизнь.

— Ах ты мерзкая обезьяна, — рассердилась бодисатва. — Ты даже ленишься вырвать у себя волосок. Как же я смогу послать с тобой ученика Будды?

— Вы чересчур подозрительны, милостивая бодисатва, — сказал с улыбкой Сунь У-кун. — Не зря говорится: «Не смотри на лицо монаха, а смотри на лицо Будды». Умоляю вас, помогите спасти нашего учителя.

И тогда бодисатва:

Походкой легкой, в волнах аромата,

Покинула свой лотосовый трон

И вознеслась на горную вершину —

Был светлый лик улыбкой озарен.

И только ради Танского монаха,

Попавшего в неволю на пути,

Чудовище смирить она решила,

Паломника от гибели спасти.

Сунь У-кун пришел в восторг и попросил бодисатву покинуть священную пещеру Шум прилива. Духи рядами выстроились перед горой Путошань.

— А теперь, — сказала бодисатва, — переправляйся через море.

— Прошу вас, милостивая бодисатва, пойти вперед, — сказал, низко склонившись, Сунь У-кун.

— Нет, сначала пойдешь ты, — отвечала бодисатва.

— Но, милостивая бодисатва, — запротестовал Сунь У-кун, низко кланяясь, — я не смею в вашем присутствии проявлять свои способности. Вообразите, что я сделаю прыжок и в этот

момент у меня оголится задняя часть тела. Тогда вы обвините меня в недостаточной почтительности к вам.

Услышав это, бодисатва послала ученицу Будды девицу-дракона Шаньцай на лotosовый пруд и велела сорвать лист лотоса. Затем она приказала положить этот лист на вазу у подножия скалы. А когда это тоже было сделано, бодисатва сказала Сунь У-куну:

— Становись на лист, я переправлю тебя через море.

— Но разве это возможно, милостивая бодисатва, — изумился Сунь У-кун. — Он такой тонкий и совсем маленький. А если я свалюсь в воду, то вконец испорчу свой тигровый плащ и не смогу надеть его, когда станет холодно.

— А ты попробуй! — прикрикнула на него бодисатва.

Не смея больше отказываться, Сунь У-кун решил: будь что будет — и прыгнул на лист лотоса. И, о чудо! Очутившись на нем, он почувствовал себя куда безопаснее, нежели на судне.

— Милостивая бодисатва, все в порядке! — радостно воскликнул Сунь У-кун.

— Почему же ты медлишь? Чего ждешь? — спросила бодисатва.

— Как же я переправлюсь, если здесь нет ни весел, ни шеста, ни мачт, ни парусов, — возразил Сунь У-кун.

— Ничего этого и не нужно, — отвечала бодисатва. — Надо только дунуть на него.

Она дунула, и Сунь У-кун тотчас же пересек бурное Южное море.

«Как велика божественная сила бодисатвы, — изумился Сунь У-кун, выйдя на берег. — Она, не затрачивая никаких усилий, может вызвать меня откуда угодно и отправить куда угодно».

Между тем бодисатва приказала служителям-духам тщательно охранять свою священную обитель, а дракону-девице велела закрыть ворота пещеры. Затем на благовонном облаке она покинула гору Путошань и, очутившись на другом берегу моря, спросила:

— Где Хуэй-ань?

Здесь надо вам напомнить, что Хуэй-ань был вторым сыном небесного князя с пагодой в руках. Среди народа он был известен также под именем Мокши и являлся ближайшим учеником бодисатвы. Называли его еще Хуэй-ань — хранитель закона Будды. И вот, услышав зов

бодисатвы, Хуэй-ань тотчас же появился и, почтительно сложив руки, выразил свою готовность служить ей.

— Сейчас же отправляйся на небо к своему отцу, — сказала бодисатва, — и попроси его одолжить нам свои божественные мечи.

— Сколько же мечей понадобится? — спросил Хуэй-ань.

— Сколько есть — все забирай, — отвечала бодисатва.

Хуэй-ань тут же оседлал облако и вскоре очутился у Южных небесных ворот. Там он проследовал во дворец Облаков и, представ перед отцом, земно поклонился ему.

— Ты откуда явился, сын мой? — спросил небесный князь.

— К моему учителю, — сказал Мокша, — пришел Сунь У-кун. Он просил оказать ему помощь и уничтожить волшебника. Вот бодисатва и прислала меня к тебе с просьбой одолжить небесные мечи.

Небесный князь тотчас же позвал принца Ночжа и велел ему принести мечи. Ночжа принес тридцать шесть мечей и передал их Мокше.

— Спасибо, брат, — поблагодарил Мокша, — а сейчас ступай к себе и передай от меня привет матери. Я очень спешу. Когда выполню поручение, вернусь, чтобы поклониться ей. И, быстро простившись, он на благовонном луче опустился прямо к Южному морю и передал бодисатве мечи. Бодисатва бросила их и произнесла заклинание. В тот же миг мечи превратились в тысячелистный трон. Бодисатва взошла на него и села в центре.

— А бодисатва, оказывается, не очень-то щедрая, — сказал, ухмыляясь про себя, Сунь У-кун. — На лotosовом озере есть драгоценное лotosовое сиденье. Так ей, видите ли, не захотелось сидеть там, и она решила, что проще занять то, что ей нужно, у других.

— Молчи и следуй за мной, — услышал Сунь У-кун голос бодисатвы.

После этого все разместились на облаках и полетели, оставив море позади. Впереди летел белый попугай, а за ним — Великий Мудрец и Хуэй-ань. Вскоре они увидели перед собой гору.

— Это гора, где находится пещера волшебника, — сказал Сунь У-кун. — Отсюда до пещеры Огненных облаков примерно четыреста ли.

Услышав это, бодисатва приказала остановиться и произнесла какое-то заклинание, начинавшееся словами: «Я верю в Будду». В тот же миг, откуда ни возмись, появились духи.

Это были местные духи гор и земли. Они низко склонились перед троном, на котором восседала бодисатва.

— Успокойтесь, — сказала им бодисатва. — Я прибыла сюда для того, чтобы усмирить волшебника, поселившегося в здешних местах. А вы окажите мне помощь. Надо сделать так, чтобы на триста ли вокруг на земле не осталось ни одного живого существа. Переселите всех зверей и насекомых на вершины гор. Там они будут в безопасности.

Духи тотчас же отправились выполнять приказ бодисатвы.

Вскоре они вернулись и доложили, что все сделано.

— А теперь возвращайтесь к себе, — сказала бодисатва.

С этими словами она опрокинула вазу, и с грохотом, подобным грому, оттуда хлынула вода.

Вода захлестывала горную вершину,
Напором сильным скалы разрушала,
Вода захлестывала, словно море,
Как океан безбрежный, разрушала.
Вставали волны, заслоняя солнце.
Туман, чернея, подымался к туче,
Казалось, шло холодное сиянье
От этих волн высоких и могучих
И небо дымкой покрывала сырость,
Лес лилий золотых на море вырос.
Святую мощь явила бодисатва,
Чудовища желая укрощенья:
Из рукава достала заклинанье,
Дающее всем тварям устроенье, —
Как бы в утес Лоцзя в тот край небесный
Она окрестность властно превратила:
Все стало здесь, как там, на Южном море —

И пальма листья свежие раскрыла,
И выросли смоковницы и травы,
На соснах горлицы запели песни,
Сидели попугаи на бамбуке,
Катились волны мерно, величаво,
И все покрыл своим цветеньем лотос,
Но где-то ветер завывал уныло,
И виделась от края и до края
Одна вода, что целый мир покрыла.

«Вот это поистине милосердная и сострадательная бодисатва, — подумал Сунь У-кун. — Если бы я обладал подобной силой, то просто перевернул бы на гору вазу, не заботясь о жизни зверей и птиц».

— Сунь У-кун, — раздался в этот момент голос бодисатвы, — протяни руку!

Сунь У-кун поспешно засучил рукав и вытянул левую руку. Тогда бодисатва взяла ивовую ветвь, обмакнула ее в чудодейственную вазу и написала ею на ладони Сунь У-куна иероглиф «ми», что значит — «заблуждаться», «терять разум».

— А теперь сожми руку в кулак, — приказала она. — Отправляйся к волшебнику, вызови его на бой и сделай вид, что потерпел поражение. Твое дело — выманить волшебника сюда, ко мне, а я знаю, как усмирить его.

Сунь У-кун повернул свое облако и сразу же очутился у пещеры волшебника. Одна его рука была зажата в кулак, в другой он держал посох.

— Эй, дух, — громко крикнул Сунь У-кун, — открывай!

Духи-стражи бросились к своему господину.

— Опять сюда явился Сунь У-кун! — доложили они.

— Закройте покрепче ворота и не обращайтесь на него внимания! — отвечал волшебник.

— Что же ты, сынок, — продолжал кричать Сунь У-кун, — выжил отца за дверь и теперь не хвчешь даже впустить его.

— Сунь У-кун опять начинает ругаться, — снова доложили стражи.

— Не обращайтесь на него внимания, — повторил волшебник. Убедившись в том, что все его попытки вызвать волшебника тщетны, Сунь У-кун разозлился и, взмахнув своим посохом, изо всех сил стукнул по воротам. Стражи снова опрометью бросились к своему повелителю.

— Сунь У-кун разбил ворота, — доложили они.

Тут волшебник не выдержал и помчался к выходу.

— Подлая ты обезьяна, — закричал он, ринувшись на Сунь У-куна с пикой. — Я не желал тебе зла и относился к тебе снисходительно, но ты опять явился сюда и оскорбляешь меня. Да знаешь ли ты, какого наказания заслуживаешь, хотя бы за одно то, что сломал мои ворота!

— А знаешь ли ты, сын мой, какого наказания заслуживаешь за то, что выгнал отца из дома?!
— в свою очередь спросил Сунь У-кун.

Тут волшебник еще больше разозлился и, взмахнув своим копьём, нацелился прямо в Сунь У-куна. Однако Сунь У-кун успел отразить удар и перешел, в свою очередь, в наступление. Они схватывались раз пять, наконец Сунь У-кун, продолжая сжимать кулак и волоча за собой посох, сделал вид, что ему не устоять против волшебника, и покинул поле боя.

— Я Танского монаха собираюсь сварить, — крикнул волшебник с горы, — мы уже помыли и почистили его.

— Сынок мой, — произнес в ответ Сунь У-кун, — а ведь за тобой наблюдают все небожители. Попробуй подойди!

Услышав это, волшебник совсем рассвирепел и, с воинственным кличем бросившись вперед, подскочил к Сунь У-куну и замахнулся на него пикой. Сунь У-кун стал вращать своим посохом, защищаясь от удара. Однако после нескольких схваток он снова отступил.

— Послушай! — крикнул волшебник. — В прошлые разы ты лучше дрался и выдерживал до тридцати схваток. Что же с тобой произошло?

— Боюсь, сынок, что ты опять огонь на меня напустишь, — со смехом сказал Сунь У-кун.

— Не бойся! Огня я больше напускать не буду, — отвечал волшебник.

— В таком случае, — сказал Сунь У-кун, — отойди подальше от своей пещеры. Настоящие герои не сражаются у ворот собственного дома.

Ничего не подозревая, волшебник поднял пику и бросился за противником. В это время Сунь У-кун разжал руку, и волшебник, словно обезумев, помчался за ним. Сунь У-кун летел, как метеор, волшебник неся, как стрела.

Вдруг он увидел бодисатву.

— Ты страшен, я боюсь тебя, — сказал тогда Сунь У-кун волшебнику. — Пощади! Ведь мы уже добежали до Южного моря, где живет бодисатва Гуаньинь. Возвращайся обратно!

Но волшебник, стиснув зубы, продолжал преследовать своего противника. Однако Сунь У-кун скрылся в священном сиянии, которое излучала бодисатва. Потеряв его из виду, волшебник сделал еще несколько шагов вперед и, глядя на бодисатву широко раскрытыми глазами, спросил:

— Ты, что же, явилась Сунь У-куну на помощь?

Бодисатва ничего не ответила. Тогда волшебник, сжимая в руках пику, повысив голос, повторил свой вопрос.

Бодисатва продолжала молчать. Тут волшебник взмахнул пикой и нацелился ей прямо в сердце. Но в этот же момент бодисатва превратилась в золотой луч и вознеслась на девятое небо. — Что же это, вы насмехаетесь надо мной, что ли? — следуя за ней по пятам, сказал Сунь У-кун — Ведь волшебник несколько раз обращался к вам, а вы прикинулись глухонемой, а теперь вот сбежали от одного взмаха его пики, да вдобавок ко всему лишились своего лotosового трона!

— Не разговаривай, — приказала бодисатва, — а смотри лучше, что он будет делать дальше.

И Сунь У-кун, стоя рядом с Мокшей, стал наблюдать за волшебником. Они видели, как волшебник зло рассмеялся и сказал:

— Эта подлая обезьяна не знала, с кем имеет дело! Ей не было известно, кто такой священный ребенок. Потеряв надежду одолеть меня, она призвала на помощь какую-то никчемную бодисатву, которая от одного взмаха моей пики исчезла бесследно, бросив даже свой драгоценный лotosовый трон. Кстати, попробую-ка я посидеть на этом троне.

С этими словами волшебник, подражая бодисатве, скрестил руки и ноги и уселся на трон.

— Вот это здорово! — воскликнул Сунь У-кун. — Это называется ни за что отдать лotosовый трон!

— Что это ты там бормочешь? — спросила бодисатва.

— Что, что, — сердито буркнул тот. — Говорю — лотосовый трон отдали другим, вот что! Видите, как прочно уселся на него своим задом волшебник. Можете теперь распрощаться со своей драгоценностью.

— Очень хорошо, что он уселся на трон, — сказала бодисатва, — это-то как раз мне и нужно.

— Смотрите, как он красиво сложен. Ему более подходит сидеть в этом кресле, чем вам.

— Не болтай, — снова приказала бодисатва, — и наблюдай лучше за проявлением божественных сил.

С этими словами бодисатва, указывая ивовой веткой вниз, молвила:

— Удались!

В тот же момент трон пропал, а вместе с ним исчезло и небесное сияние. Волшебник предстал перед ними сидящим на острие меча.

— Иди, бей это чудовище в назидание злым духам до тех пор, пока его не проткнут клинки мечей, — приказала бодисатва Мокше.

Мокша тотчас же спустился на облаке вниз и стал избивать волшебника. Он бил его так, словно утрамбовывал землю на постройке стены. Свыше тысячи ударов нанес он волшебнику, после чего меч пронзил его тело. Кровь залила все кругом, все тело волшебника было в глубоких ранах. Но он, стиснув зубы, силился превозмочь боль. Отбросив пику, он всеми силами старался вытащить вонзившиеся в него мечи.

— Милостивая бодисатва, — сказал Сунь У-кун. — Этот волшебник не боится боли. Он даже старается вытащить мечи.

Тогда бодисатва крикнула Мокше.

— Смотри не убей его, — и снова, указывая вниз ивовой веткой, произнесла заклинание и приказала мечам превратиться в крючья, напоминавшие волчьи клыки, так что освободиться от них уже не было никакой возможности. Волшебник растерялся и, крепко держась за лезвия мечей, запросил пощады.

— Милостивая бодисатва, — сказал он. — Мои глаза не сумели увидеть, какой огромной божественной силой вы обладаете. Умоляю вас, явите милосердие и сохраните мне жизнь. Клянусь никогда больше не творить зла и принять монашеский обет.

Услышав это, бодисатва вместе с Мокшей, Сунь У-куном и белым попугаем спустилась на

золотом луче вниз и оказалась прямо перед волшебником.

— Ты хочешь принять постриг? — спросила она.

— Сохрани мне жизнь, и я сделаю все, что ты пожелаешь, — кивнув головой в знак согласия и роняя слезы, от- вечал волшебник.

— Ты согласен стать последователем нашего учения? — снова спросила бодисатва.

— Если ты сохранишь мне жизнь, — повторил волшебник, — я стану последователем учения Будды.

— В таком случае я посвящаю тебя в монахи, — произнесла бодисатва.

С этими словами она вынула из рукава золотую бритву и, подойдя к волшебнику, выбрила ему макушку, оставив небольшую челку и скрутив ему на темени три косички, как у детей.

— Этому волшебнику явно не повезло, — посмеивался, стоя в сторонке, Сунь У-кун. — Не разберешь кто он теперь, не то мужчина, не то женщина!

— Поскольку ты принял монашеский обет, — сказала бодисатва, — отныне я не могу больше презирать тебя и жалую тебе имя Шаньцай тунцзы — отрок — ученик Будды. Что ты на это скажешь?

Волшебник, желая сохранить себе жизнь, только головой кивал. Тогда бодисатва, протянув руку, воскликнула:

— Удались!

В тот же миг небесный меч отделился от волшебника и упал на землю, а тело отрока оказалось совершенно невредимым.

— Хуэй-ань, — сказала бодисатва, — отнеси мечи в небесные чертоги и отдай отцу. А я вернусь на гору Путошань и вместе с остальными небожителями буду ждать тебя там. О том, как Мокша доставил на небо мечи, мы распространяться не будем, а вернемся к волшебнику.

Его буйный нрав вовсе не был усмирён, и как только он почувствовал, что боль прошла, зад его цел и невредим, а на голове заплетены три косички, он подбежал, схватил пику и, направив ее на бодисатву, сказал:

— Да разве есть такая сила, которая могла бы усмирить меня? Вы просто пустили в ход

волшебство! Никаких постригов я признавать не желаю! Познакомьтесь лучше с моей пикой!

Он хотел ударить бодисатву по лицу, но разъяренный Сунь У-кун начал вертеть своим посохом, приготовившись бить волшебника.

— Не бей! — остановила его бодисатва. — У меня есть для него наказание!

Тут она вынула из рукава золотой обруч и сказала:

— Этот талисман — один из трех золотых обручей, которые мне подарил Будда, когда я отправилась в Китай искать человека, готового пойти за священными книгами. Один из них я отдала тебе. Второй — получил Праведник, охраняющий гору. Остался еще один, который я не решалась пока никому отдать. Ну, а так как это чудовище ведет себя довольно бесцеремонно, то этот обруч я пожалуй ему.

О, чудесная бодисатва. Она взмахнула обручем напротив ветра и крикнула: «Изменись!». В тот же миг из одного обруча появилось целых пять. Бросив их отроку, бодисатва крикнула:

— Охватывайте!

Один обруч сразу же опустился на шею волшебника, два попали на его руки, а два — на ноги.

— Отойди, Сунь У-кун, — сказала бодисатва. — Сейчас я произнесу заклинание.

— Милостивая бодисатва, — всполошился Сунь У-кун, — я ведь звал вас усмирить волшебника, почему же вы хотите наказать меня?

— К тебе это заклинание никакого отношения не имеет, — сказала бодисатва, — я буду читать заклинание не о сжатии обруча, а заклинание о золотом обруче.

Сунь У-кун успокоился, подошел поближе к бодисатве и стал слушать, как она произносит заклинание. Но бодисатва произнесла заклинание про себя. В тот же миг волшебник начал дергать себя за уши, хвататься за щеки; он корчился, катаясь по земле.

Лишь одно реченье это

В недрах слышится вселенной:

Сила Будды безгранична,

И безмерна, и священна.

Если вы хотите узнать о том, как был в конце концов обращен на путь Истины отрок-волшебник, прочитайте следующую главу.

<http://tl.rulate.ru/book/14623/287632>